

зумеется, я не знаю, как и что ели японцы сто, двести или триста лет назад (да и знают ли они сами?), чем запивали, но после завтраков и ужинов в мацумотской гостинице создается впечатление, что очень похоже. Во время, как даже в специальных ресторанах Токио кормят чуть ли не хуже, чем в якитории на улице Удальцова.

Впрочем, Мацумото — вполне современный город с заполненными автомобилями улицами, так что ближе к шести десяткам километров у дается преодолеть разве что за час (правда, в отличие от Москвы, автомобили никогда не стоят, разве на светофорах, а пусть медленно — движутся), с обилием вывесок (практически все — иероглифами, не то что в Токио, где любая японская публичная надпись дублируется на английском), а по утрам — с невероятным количеством детей, сосредоточенно с чувством долга, спешащих в школу. Они так, до смешного даже, серьезные, так аккуратно одеты, что создается уверенность, что Япония далеко еще не достигла вершины своего взлета.

Что же касается мацумотского замка, то он с точки зрения красоты, до открытости, что у меня даже возникло искушение вообще его не снимать: наверняка уже существует не один десяток снимков, сделанных самыми профессиональными фотографами и фото художниками на самой могучей аппаратуре. Однако искушение это побороло инстинкт: рука сама потянулась все вскидывать и вскидывать аппарат к глазу и нажимать на спуск отсюда, то — от туда, то широкоуголкой, то — телевиком. Так что и из первой поездки, и из второй я вывез добрую сотню снимков этого знаменитого храма, красивого не только самого по себе, но и, как постоянно бывает у японцев, окружением: ровом, наполненном водой и похо-

жим на специальный, «садовый», пруд с жирными рыбами, черными и красными, то и дело вздымающимися над поверхностью плавники или жадные круглые рты, или роющими дно и осаживающими за собой дорожку ила, с лебедями и утками, с красным мостиком, с двором-лукайкой, на которой как раз готовились красные жемчужины для предстоящей вот-вот церемонии любования полной луной.

Искать разгадку японского взлета надо не в небоскребах, развязках и скоростных поездах, а в заполняющих улицы людях

Луну я тоже снял: она показалась мне сугубо японской, однако дождаться ее поплотнее не удалось — пора было улетать.

По дороге из Мацумото в Токио мне случилось глянуть и на главный японский символ — Фудзияму. Правда, она высывалась самой верхушкой из за других, не столь знаменитых, гор и была совершенно не картинна, не фотогенична — во всяком случае, с этой точки. Конечно же, я не удержался и щелкнул ее пару раз из окна автобуса, получив в результате снимок, который не то что кому-то показывать — и самому смотреть стыдно. В прошлый раз, когда дорога шла, наоборот, из Токио в Мацумото и пришлось как раз на закате с толстыми облаками, Фудзияма получилась все-таки заметно эффективнее. Но лучше всего она у меня снялась из иллюминатора самолета, хотя, конечно, толстый двухслойный пленкиглас повредил снимок у нас только, что он совершенно справедливо не попал в эту журнальную подборку.